

— Простите за беспокойство. Прошу, проходите, - дущюнь тут же вернул жетон Жун Фэну, слегка поклонился и отступил в сторону, освобождая путь.

Бянь Хун так и не понял, что произошло, но, увидев, что им больше никто не препятствует, молча поднял свёртки с тканью и пошёл вслед за Жун Фэном. Они спокойно вышли из города, забрали лошадей и вскоре скрылись за городскими воротами.

Стражники у ворот были ошеломлены. Их начальник, суровый однорукий ветеран приграничных войск, никогда не заискивал перед богачами или влиятельными людьми. Он был прямым, жёстким, не терпел беспорядка и уж точно не склонен уступать кому попало. Но сейчас он вдруг проявил редкое уважение.

— Господин-дущюнь ... так мы их просто отпускаем? — тихо спросил один из солдат. — Может, всё-таки нужно проверить? Люди подозрительные. А вдруг преступники?

Дущюнь покачал головой, не сводя взгляда с дороги, по которой исчезли Жун Фэн и Бянь Хун:

— Нет нужды. Жетон настоящий, имя совпадает. Это страж горы Мэмэн. Мы здесь служим рядом, значит, ещё пересечёмся. В следующий раз будьте уважительнее.

Солдат растерянно вытаращил глаза:

— Страж горы? Но это же... это ведь всё давным-давно было! Разве они ещё существуют? Разве это вообще что-то значит сейчас?

Дущюнь тяжело вздохнул:

— Ты ничего не понимаешь. Стражи гор - это не древние сказки. Их учредил Великий государственный наставник при самом основании империи, шестьсот лет назад. Особый орден, отдельный от армии. Они охраняют горы и проходы, следят за тем, чтобы в стране не поднималась нечисть и не заводились чудовища. Их мастерство непостижимо для обычных людей. Титул и обязанности передаются по роду, из поколения в поколение.

Он сделал паузу и посмотрел на солдата строго:

— Официальные реестры до сих пор хранят записи о каждом из них. Просто большинство стражей не спускаются к людям без серьёзной нужды. Поэтому обычные жители их почти никогда не видят.

Несколько солдат, окружавших дущюня, переглянулись и удивлённо загудели. Для большинства стражи гор всегда оставались чем-то таинственным: старики рассказывали, будто когда ребёнок терял душу в горах, за ней отправлялись именно стражи и неизменно возвращали её назад. Люди относили такие рассказы к миру духов и небылиц. Никто не

ожидал, что за этим стоит столь древняя и серьёзная традиция.

Командир вернулся мыслями к делу, резко обернулся и рявкнул на всё ещё пытавшихся оправдываться воров:

— Увести! В тюрьму! Пытать как следует, допросить каждого! А того вашего Ли, что у вас в начальниках ходит, тоже ко мне. Если подобное повторится, пеняйте на себя, пощады не будет!

Тем временем Жун Фэн и Бянь Хун, покинув рыночную площадь, вернулись на постоянный двор, отдали лошадей и вновь отправились в путь пешком.

Хотя солнце ещё не село, небо постепенно темнело, тяжело наливаясь предгрозовой тишиной. Воздух становился сырым, звуки будто приглушились. Они прошли молча почти весь путь, пересекли небольшой перевал, и наконец остановились в месте, куда редко ступала нога человека.

Перед ними стояла белоснежная каменная стела, будто выточенный из цельного куска нефрита. Она одиноко возвышалась среди дикого горного леса, окружённая туманной дымкой. Безлюдье делало это место ещё более безмолвным и чистым, словно чуждым миру людей. На поверхности камня были выбиты строки - плавные, изящные, живые; Бянь Хун не узнавал письма, но по самому виду чувствовалось, что их оставил человек необыкновенного дара, с рукой поистине гениальной.

Недалеко позади стелы стоял небольшой домик из сложенных камней, крытый красной черепицей. Он не выглядел заброшенным, видно было, что здесь часто убираются. Скорее всего, это делал Жун Фэн.

Жун Фэн вылил несколько кувшинов вина в глиняный сосуд с широким горлом, стоявший у подножия стелы, аккуратно разложил на каменной тарелке масляную чайную муку и сладости, после чего опустился на колени и почтительно поклонился камню.

— Стражи гор... они связаны с этим камнем Шанцзюня? — наконец спросил Бянь Хун.

Он долго обдумывал этот вопрос по пути. В груди всё переворачивалось, но любопытство и смутные догадки всё же пересилили. С тех пор как он внезапно попал в этот мир после землетрясения, он стал гораздо легче верить в непостижимые силы.

Мужчина поднял голову к стеле и тихо произнёс:

— У всего сущего есть дух. У рек - речные владыки, у гор - горные владыки. Давным-давно земли были беспокойны. Государственный наставник взял камень с Небесной горы и установил его в суровых горах, чтобы успокоить духов гор. Тогда же он учредил триста семьдесят шесть

хранителей гор - стражей, останавливающих беды. Позже в стране воцарился мир, и традиция просто продолжала жить. Так говорил мой учитель. Он велел мне запомнить это... и продолжать охранять гору.

Бянь Хун впервые слышал, чтобы Жун Фэн говорил так много. И Жун Фэн впервые хоть чуть-чуть приоткрыл кому-то уголок своего внутреннего мира.

В этом спокойном, неторопливом рассказе чувствовалась передающаяся из поколения в поколение историческая тяжесть и трепетная ответственность. Глядя на мужчину, стоящего перед стелой в почтительной тишине, Бянь Хун почувствовал, что тот становится в его глазах всё более объёмным. Он уже не казался просто символом опасности и давящего присутствия, в нём начали проступать глубина и содержание.

Бянь Хун окинул взглядом окрестности, посмотрел на стелу. Для него всё это было проявлением самой первозданной человеческой формы поклонения природе, и в этом не было ничего плохого: почтение перед горой, перед стихией. Он видел, как горы переворачиваются, как море вздымается; видел, как небо и земля меняются местами под мощью стихий - землетрясений, наводнений, извержений вулканов, ледников. И он знал, насколько человек мал и беспомощен перед лицом природы. Люди никогда не были властителями мира.

Через некоторое время на горизонте вспыхнули молнии. Прокатился грохочущий гром - было ясно, что вот-вот хлынет сильный дождь. Дорога по горам в такую погоду небезопасна, поэтому Жун Фэн решил переночевать в каменном домике за стелой. Внутри света почти не было, да и тепло не держалось. Пока дождь лишь собирался, Жун Фэн успел собрать немного хвороста, развёл огонь и, используя глиняный сосуд, вскипятил воду. Он заварил две чашки горячей масляной чайной муки и одну поставил перед Бянь Хуном.

Они сидели по обе стороны от костра. Бянь Хун, держа ладонями тёплую чашку, смотрел на пляшущее пламя невидящим взглядом. Его разум опустел, и вместе с ним опустело сердце.

Вскоре за стенами каменного домика послышался мелкий шелест дождя. Бянь Хун, подложив под голову купленную сегодня грубую ткань, устроился в куче сухой спутанной соломы, собираясь уснуть. Но перед тем, как закрыть глаза, он всё же сказал мужчине, стоявшему у входа в домик:

— Я посторожу вторую половину ночи.

— Не надо. Дежурить по ночам - дело мужчины.

Жун Фэн подумал, что из этой кучки тощих костей, свернувшейся на соломе, едва ли вышло бы пропитание для одного волчонка. Но его замечание осталось без ответа, возле костра в соломе уже воцарилась тишина.

Ночью дождь становился всё сильнее. Вокруг стояла непроглядная тьма; казалось, только

здесь, внутри каменного домика, теплился слабый отблеск огня, подрагивающий в такт внезапным вспышкам молний, то вспыхивавших, то гаснувших. Бянь Хун спал беспокойно - нарастающий грохот грома и слепящие молнии всё больше смешивались с бурей из его снов. Он увидел того самого старшину, что звал его «младший брат Минь Си». Ливень хлестал по остывающему телу старшины, горячая кровь стекала по шее Бянь Хуна, и тут же холодела под ударами дождевых капель. Перед самой смертью старшина накрыл собой тяжело раненого и почти потерявшего сознание Бянь Хуна, заслонив его телом, и потому Бянь Хун выжил, когда враги возвращались добывать раненых среди трупов.

Бянь Хун приоткрыл глаза: в свете молний лицо старшины то озарялась мертвенной бледностью, то снова тонуло во мраке. В конце концов Бянь Хуну удалось уцелеть, но когда он, придя в себя, выбрался наружу и посмотрел вперёд, перед ним оказался огромный ров, заполненный телами. У края ямы лежали знакомые лица: кто-то когда-то накладывал ему еду, кто-то тренировался рядом, кто-то рассказывал о своей жене и детях... а теперь все они превратились в искривлённые, залитые дождём трупы.

Во сне Бянь Хун плакал без удержу, отчаянно вырываясь, будто снова карабкаясь из той ямы. Он в слепом ужасе цеплялся за всё подряд, не зная, чью руку или чью голову он только что раздавил под собой. В момент, когда он почти снова провалился в бездну, его пальцы внезапно нащупали что-то твёрдое. Он вцепился мертвой хваткой, рванул вверх и, когда перед глазами вспыхнул отблеск огня, открыл их.

Он судорожно держался за крепкое предплечье Жун Фэна, а слёзы уже пропитали грубую ткань, служившую ему подушкой, насквозь. Мужчина не шелохнулся. Он просто сидел рядом, позволяя Бянь Хуну до боли сжимать его руку.

Бянь Хун мгновенно пришёл в себя и, словно от удара током, резко разжал пальцы. Он так сильно сжимал руку, что кончики его пальцев побелели. Он вскочил, торопливо выпрямился, пытаясь спрятать своё смятение.

— Теперь моя очередь караулить, — сказал он.

Жун Фэн ничего не ответил и позволил всё ещё слегка всхлипывающему Бянь Хуну подняться и самому сесть у входа в каменную хижину. Двери у хижины не было, и холодный косой дождь влетал внутрь, забрызгивая подол его одежды.

Жун Фэн поднялся, подошёл к земляной нише в глубине хижины, сунул туда руку и вытащил трёх пушистых тигрово-полосатых котят. Он держал их за шкуру - котята даже не сопротивлялись, только сворачивали маленькие лапки и послушно моргали большими глазами.

Малыши были прохладные на ощупь. Только когда Жун Фэн положил их у огня, они начали тихо мяукать, и Бянь Хун невольно оглянулся.

— Мать ушла на охоту, — пояснил Жун Фэн. — Оставила детёнышей здесь, чтобы переждали дождь. Им холодно, погрей их.

Бянь Хун поднялся и подошёл ближе к котят, но неуверенно остановился.

— Если их трогать, — спросил он, — они пропитаются человеческим запахом... мать их потом не бросит?

Он с детства видел слишком много брошенных животных и людей, да и сам был одним из таких.

— Коты возле каменной стелы так не поступают, — уверенно ответил Жун Фэн.

Эта кошачья семья поколениями жила возле стелы; в морозы или в дождь они всегда приходили в каменную хижину греться, давно привыкли к Жун Фэну, который часто здесь ночевал. Сегодня, увидев его, кошка-мать спокойно принесла детёнышей под дождём прямо к нему, словно к члену семьи, и без всяких сомнений ушла охотиться.

Обычно Жун Фэн укладывал котят в выкопанную в хижине земляную нишу, но сейчас лучшее место для сна маленьких тигровых котят - дрожащее от холода объятие этого маленького юноши.

Бянь Хун вернулся к костру, посмотрел на трёх котят, которые толкались и сворачивались клубочком на куче соломы, и невольно вспомнил маленьких Юаньдина и Гуаньбао. Потому он аккуратно взял котят и прижал к себе. И было непонятно, кто кого согревает. Так он и пробыл, пока дождь не стих и не наступил рассвет.

Ранним утром, когда они собирались в путь, наконец появилась и мать-кошка. Проведя ночь без детёнышей и вдоволь поохотившись, она была сыта, молоко вновь наполнило её живот. Она привычно взяла котят по одному из рук Жун Фэна, крепко ухватила зубами и вскоре, ловко прыгнув в чащу, исчезла среди деревьев.

Перед уходом Жун Фэн снова взял кусок грубой ткани, на которой Бянь Хун спал ночью, оторвал от неё большой лоскут и, придавив камнем, оставил под стелой.

Бянь Хун хотел спросить, зачем, но Жун Фэн, будто избегая взгляда, только коротко сказал, что таков обычай.

Бянь Хун не знал, что едва они отошли далеко, и их фигуры скрылись за поворотом лесной тропы, как вокруг камня стали появляться маленькие тени. Из разных уголков высывались головы многочисленных животных - мангусты, рыси, рыжие лисы, зайцы, олени и горные антилопы.

Они осторожно ступали по прохладной влажной земле, по одному подходя к лоскуту ткани, на котором ещё оставались следы слёз и запах Бянь Хуна. Одни просто тянули носом, едва слышно фыркая; другие трогали ткань лапкой, а затем тихо разворачивались, уходя обратно в

лес, будто запоминая этот запах.

В конце концов мелкие зверьки внезапно разом разбежались. Из-за стелы неспешно выступила массивная, пёстрая жёлтая лапа, следом показался и весь зверь. Это был крупный, полосатый горный хищник. Зверь подошёл к лоскуту ткани, остановился, опустил голову и тщательно обнюхал его. Потом тряхнул мордой, громко чихнул, словно недовольно, и лениво повернулся, чтобы приняться за глиняный сосуд с вином, стоящий у подножия стелы, - медленно вылизывал края, наслаждаясь вкусом.

Горная тропа после ночного дождя стала скользкой, и двинулись они медленно. Лишь к полудню они добрались домой. Услышав шаги, мать Жун с облегчением вздохнула.

— Я ж говорила, вчера дождь хлынул, значит, Сяо Фэн взял тебя ночевать у Камня Горного Духа. И хорошо, в дождь по горам ходить опасно. Ну как, ткань купили? Дай, мама померит, чтоб сшить одежду.

Бянь Хун не хотел, чтобы больная старушка снова хлопотала ради него.

— Старый ватник и так подходит.

Но мать Жун Фэна отмахнулась:

— Как это подходит? Разве так можно! Живо, неси ткань, пусть мать потрогает.

Только ткань попала ей в руки, выражение мгновенно сменилось на недовольное:

— Почему не купили хорошую? Эта слишком грубая.

Она уже было собралась пожурить сына, но Бянь Хун поспешил вмешаться:

— Мне очень нравится. Этого вполне достаточно.

В этот момент Жун Фэн как раз сложил соль и другие покупки, вошёл в дом и протянул матери ту самую стопку мягкого, блестящего шёлка:

— Из этого ему и шей одежду.

На ощупь ткань была гладкой, дорогой - явно хороший материал. Но как только мать Жун коснулась ткани, выражение её лица ощутимо изменилось. Она, будто с трудно скрываемой усмешкой, ткнула пальцем в своего сына, полностью погружённого в заботы о горах.

— Глупый мальчишка, это же материя для нательного лифа, для дудоу. Твоему супругу ни к чему носить дудоу.

Услышав это, Жун Фэн мгновенно смутился, резко отдернул руку и почти бегом выскочил во двор. Кажется, даже слегка покраснел, только кожа у него тёмная, а мать слепая, вот и не заметила.

А вот Бянь Хун заметил прекрасно. Он посмотрел в спину поспешно ретировавшемуся Жун Фэну, затем опустил взгляд и коснулся пальцами той самой «ткани для дудоу».

Вот оно что.

Недаром тогда, в лавке, когда Жун Фэн взял этот кусок материи и пошёл расплачиваться, хозяйка лавки принялась многозначительно моргать и улыбаться ему с таким... двусмысленным одобрением. Она, наверно, подумала: люди - загадочные создания. Пара-то выглядит строгой и скромной, а в постели, гляди-ка, какие штуки вытворяют, даже ланьцзюню дудоу покупать пришли.

Бянь Хун задумался, и сама собой всплыла мысль: чем это, собственно, отличается от эротического нижнего белья...

<http://bllate.org/book/13502/1199893>